

100 рублей на беженца. И все

Глава Комитета «Гражданское содействие»*
правозащитница Светлана Ганнушкина* — о трудовых
мигрантах, облавах, временном убежище и пытках

Светлана Ганнушкина. Фото: соцсети

10:55, 24 апреля 2024,

Ирина Воробьева

журналист

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ ГАННУШКИНОЙ СВЕТЛАНой АЛЕКСЕЕВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ И МИГРАНТАМ «ГРАЖДАНСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ ГАННУШКИНОЙ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ И МИГРАНТАМ «ГРАЖДАНСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ».

На волне антимигрантской истерии после теракта в «Крокус Сити Холле» зашла речь и об отмене системы патентов на работу. Если такое решение будет принято, то рынок труда мигрантов вновь окажется в большей степени «черным» и «серым». Почему в огромной России только 250 официальных беженцев? Как проходили облавы после теракта? Почему отмена патентов приведет к тотальной коррупции и бесправию? Какое пособие получают беженцы? — 100 рублей одновременно. Разговор со Светланой Ганнушкиной — председателем Комитета «Гражданское содействие», организации, возникшей в 1990 году и ставшей первой, которая оказывала помощь беженцам, вынужденным переселенцам, а затем и трудовым мигрантам.

— Давайте нашим читателям объясним, чем занимается сейчас «Гражданское содействие». Вы же помогаете не только трудовым мигрантам?

— Прежде всего мы помогаем вынужденным мигрантам. А вынужденные мигранты — это беженцы; лица, ищущие убежище; и внутренне перемещенные лица, то есть те жители России, которые вынуждены покинуть родные места. В основном такие случаи были у нас во время Чеченских войн, во время конфликта в Пригородном районе Осетии — оттуда у нас наши внутренние вынужденные мигранты. Мы сосредоточены на помощи этим людям.

Кроме того, мы помогаем лицам без гражданства. С 2002 года, когда в России впервые был принят закон о правовом положении иностранных граждан, огромная армия людей (их число измеряется миллионами) оказалась без какого бы то ни было легального статуса, поскольку им были выданы только советские паспорта. В основном речь идет о наших бывших согражданах, которые провалились в эту щель, когда развалился Советский Союз. Они не стали гражданами в своей стране и опоздали стать российскими гражданами...

— **То есть приехали позже.**

— После 6 февраля 1992 года. Так что в основном как раз мы занимались такими людьми. А с трудовыми мигрантами мы довольно долго не работали вообще, считая, что у этих людей есть выбор, и они могут уехать к себе домой, если им у нас не нравится, либо поехать в какую-то другую страну.

Но потом мы поняли, что, к сожалению, эта миграция тоже очень часто вынужденная, потому что трудовым мигрантам в своих странах просто невозможно прокормить свои семьи, а поехать в другие страны они не могут.

— **А здесь они...**

— А здесь они бесправны. Когда появился закон о патентах, очень многие вышли из серой зоны. Но до того, как он появился, прошло много времени, в течение которого создавалась система рабского труда. Мигранты все равно здесь работали, но при этом попадали в полную зависимость от работодателя. Добросовестный работодатель обращался с ними прилично, а недобросовестный мог выгнать на улицу [без

зарплаты] человека, который у него отработал год, потому что армия желающих не иссякала. Сейчас она стала меньше, к слову.

Иностранцы граждане на территории многофункционального миграционного центра, где можно оформить или продлить патент на работу. Фото: Валерий Шарифулин / ТАСС

И вот появился закон о патентах. Его принятию предшествовало большое сопротивление, я тогда еще была членом правительственной комиссии по миграционной политике. Многие серьезные чиновники на уровне министров очень протестовали: похоже, что коррупционные схемы кого-то больше устраивали, чем законное существование этих людей на территории России. Хотя закон прекрасен совершенно: он большое число людей выводит из тени. И если уж теперь человек что-то и покупает, то платит он именно за патент. По сути, это авансовый налоговый вычет. Тут никакой эксплуатации, таким образом, нет. Единственное, в разных регионах сами субъекты Федерации назначают суммы патента.

И в Москве они, конечно, довольно большие. Но тем не менее люди с этим справляются.

— Давайте поговорим про беженцев. Многие люди за последние два года — и россияне, и украинцы — стали беженцами. Они приехали в другие страны и пытаются там как-то легализоваться. Вот Россия как страна, которая принимает беженцев, — она какая?

— Вот я держу в руках статистику за девять месяцев прошлого года, чтобы показать, какая Россия страна. Скоро будет новая статистика, но особенных различий там не будет. Это официальная статистика от Росстата, а Росстат ее получает от МВД, поскольку у нас теперь рулит миграцией Министерство внутренних дел — снова. У нас реорганизаций десять было, если не больше: миграционные структуры выходили из состава МВД, как-то странно подчинялись составу МВД, была независимая Федеральная миграционная служба — ну и так далее. Так вот, сколько у нас всего зарегистрированных беженцев по всей России-матушке? Вот скажите мне, давайте такой интерактив.

— Пятьдесят... Нет, сто пятьдесят тысяч.

— Вот это очень хороший ответ, потому что по меньшей мере столько должно было бы быть. А их 250 человек. 250 человек, а предыдущая цифра была 246. Поэтому я первый раз за последний год вижу увеличение числа беженцев, правда, всего на четыре человека.

У нас есть второй статус — временное убежище. Это некий аналог дополнительной защиты, которая есть в других странах. Он дается всего на год, и каждый год процедуру получения временного убежища нужно получать заново. Человек, имеющий статус беженца, раньше уже через год мог подавать на гражданство, а человек, имеющий временное убежище, такой простой путь пройти не может. У него есть год, и он

должен попробовать добиться квоты внутри разрешений на временное проживание. Потом он в этом статусе должен прожить три года, а дальше надо будет просить разрешение на постоянное проживание — вид на жительство. И только после пяти лет вида на жительство он может получить гражданство.

Это длинная процедура, которая идет годами и очень часто прерывается по странным причинам. Сколько у нас человек имеет это самое временное убежище на ту же самую дату? 26 233 человека. Из этих 26 тысяч 23 тысячи — это Украина. То есть фактически мы имеем три тысячи человек, которые имеют вообще какую бы то ни было [официальную] форму убежища, не считая украинцев. Украинцы довольно быстро в процедуре получают гражданство.

— А внутри этих процедур человек, который находится, например, в процессе подачи документов на ПМЖ, может ли он работать, может ли он детей отправить в школу, может ли он ходить к врачу?

— С большим трудом нам удалось добиться, что в законодательство введено разрешение работать без дополнительных проволочек тем, кто имеет статус беженца. Добиться этого было очень тяжело. А раньше было непонятно: человеку дают убежище или временное убежище — и на что он должен жить? Он был обязан отдельно спрашивать разрешение, чтобы его ввели в квоту на получение разрешения на работу. Теперь этого, слава богу, нет.

— То есть никаких денег беженец дополнительно не получает?

— Нет. Почему государство так скупно предоставляет этот статус? Это не материальные соображения,

никакой материальной нагрузки страна на себя не берет и никакого регулярного пособия, как получают беженцы в других странах, не существует.

Хотя наши миграционные органы иногда морочат голову иностранным журналистам и говорят: вот в европейских странах человек начинает получать пособие, когда он получил статус, а у нас — когда он только подал на статус. Так вот, когда человек подал документы на статус беженца, он действительно имеет право на одноразовое пособие — *в размере ста рублей*. Я уверена, что его никто никогда не получает, потому что бюрократическая процедура этого получения, наверное, не стоит этих ста рублей. Это просто смешно, потому что сумма сохранилась с каких-то давних времен, когда сто рублей считались за какие-то деньги.

— Люди, которые приезжают и подают документы на разрешение на работу — они же получают все анкеты на русском языке. Существует ли в связи с этим языковая проблема?

— Конечно, они оформляют все документы на русском языке, это понятно. Более того, чтобы получить патент, нужно сдать экзамены по русскому языку. Другое дело, чего этот экзамен стоит. А что вы хотите? У нас коррупция. Это цементирует все наше общество. Ужас в том, что иногда можно сказать спасибо, что она есть, потому что нет соответствующих правил и нет соответствующих законов, и коррупционные схемы оказываются единственными схемами, которые дают возможности.

Электронное тестирование иностранных граждан на знание русского языка в Едином миграционном центре Московской области. Фото: Артем Коротаев / ТАСС

— Мы ходили по вашему офису и увидели, что у вас работают юристы, консультанты. Есть еще психологи, врач. Получается, к вам приходят люди не только за документами, но и когда у них нет еды, одежды и когда люди просто не понимают, что им делать?

— Постоянно работающего психолога у нас сейчас нет, но планы строим. А люди, прежде всего, все-таки приходят за консультацией, они спрашивают, как им жить. Мы стараемся людям объяснить, как им жить так, чтобы это не противоречило российскому законодательству. И мне кажется, это очень важный функционал, чрезвычайно важный. Раньше мы устраивали такие встречи с беженцами... активные, так сказать. Мы собирали какой-то большой зал, приходило много людей. Дальше они задавали свои вопросы, выслушивали нас. И это расходилось волнами, потому что от семьи, от нескольких семей приходит один человек, и дальше он тоже становится

источником знаний, так сказать.

Но нам, «иностранным агентам», [теперь] нельзя вести просветительскую деятельность, а наше государство ее и не ведет.

Поэтому часто люди не выполняют закон просто потому, что им сложно самим разобраться в законе, а никакой помощи со стороны нет. К сожалению, и работодателю часто выгоднее иметь нелегального мигранта, тогда он полностью оказывается в его власти.

Работодатель может заплатить, когда ему хочется, а когда не хочется — не платить. Когда у работника какая-то травма — работодатель уже не несет никакой ответственности.

Знаете, у нас есть такая, казалось, смешная легенда для тех, кто, например, на стройке сломал ногу. Я считала, что это однократно выдуманно. Оказывается, это вообще общая легенда. Человека просят за определенную сумму написать такое заявление, что он получил травму не на строительстве, а во время перерыва, когда он вышел погулять, увидел кота на дереве, полез спасать животное и упал.

Я никогда не упускаю случая похвалить наши власти: мне приятно как гражданке России знать, что что-то у нас хорошо. У нас в последнее время суды стали более доброжелательны по отношению к трудовым мигрантам. Они перестали отказываться рассматривать подобные дела, потому что якобы нет доказательств трудовых отношений, раз нет договора. Суд теперь принимает и другие доказательства: свидетельские показания и фотографии. Мы всегда советуем людям сделать

фотографию на рабочем месте, иногда в рабочей одежде, где прямо написано, в какой организации человек работает, — и суды принимают эти доказательства.

У нас был такой замечательный случай, когда явно суд шел уже в пользу 20 мигрантов. Они судились с работодателем за выплаты, и работодатель тоже был в суде. Судья ушел на вынесение постановления, и в это время у всех мигрантов заработали телефоны, потому что сидящий в зале работодатель всем перевел деньги. То есть решение было бы вынесено и так, но это очень приятно, что оно было выполнено раньше, чем вынесено. Ну и бывают случаи теперь у нас, когда назначают достаточно большую сумму компенсации за травму. То есть в этом отношении, мне кажется, ситуация улучшилась.

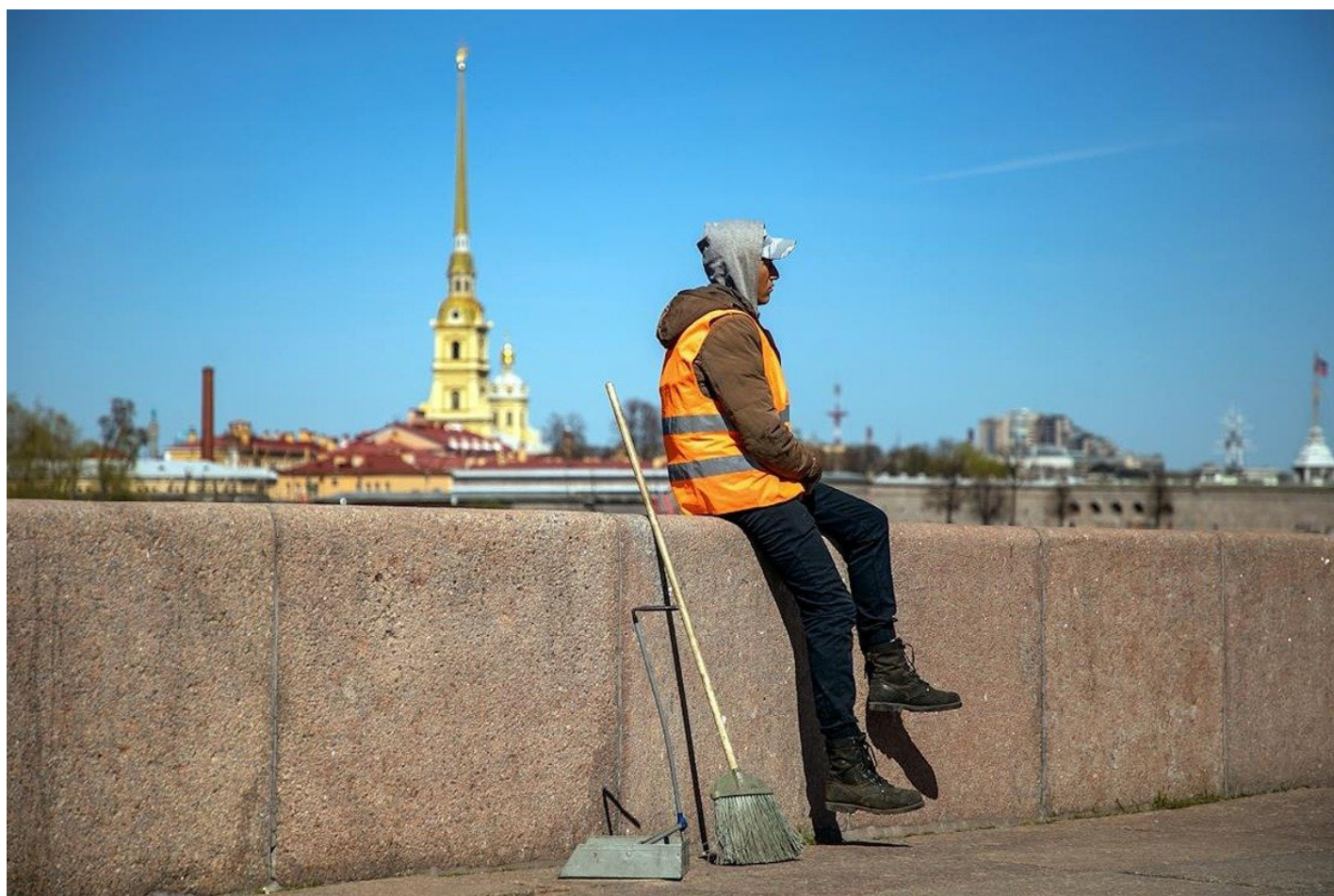

Фото: Екатерина Аболмасова / Коммерсантъ

— Когда мы говорим про беженцев — о каких странах идет речь, кроме Украины?

— Это, конечно, Сирия и, конечно, Афганистан. Это Эфиопия, Эритрея, это Судан. Раньше у нас Африки фактически не было. Сейчас довольно активно к нам идут африканцы. Мы посчитали, где-то около 50 представителей 50 стран обратились в нашу организацию за помощью в получении убежища. У нас, кстати говоря, вот по этим статистическим данным, француз, гражданин Франции, имеет статус беженца, а еще гражданин Германии. По одному человеку, но тем не менее.

— **Не Депардье случайно?**

— Нет, это не Депардье. Депардье получил сразу гражданство. Какой же он беженец? И, кажется, Депардье снова почему-то во Франции.

Да. Однажды американец к нам обращался, он получил статус беженца в результате. Да, он был беженец. У меня один человек из Баку говорил, что он беженец от жены. И это тоже был беженец от жены. Он увез сюда ребенка, потому что не хотел, чтобы мать с ним поддерживала отношения. Мальчик был очень настроен против матери. На это было очень грустно смотреть. Цель была фактически отомстить. Но здесь этот американец себя определял как жертву дискриминации, поскольку дискриминация темнокожего населения действительно имеет место в США. И американец получил этот статус.

— **Давайте поговорим про последние события. После того как стало известно, что после теракта в «Крокусе» в качестве подозреваемых арестованы уроженцы Таджикистана, что стало происходить здесь? К вам приходили люди с жалобами? И видите ли вы какой-то всплеск интереса со стороны правоохранительных органов?**

— Во-первых, я провела опрос наших сотрудников — не «Гражданского содействия», а сотрудников благотворительного

фонда «Мир и прогресс», который работает во многих регионах России. Коллектив разбросан по всей стране, и ответы от них очень разные. Самая тяжелая ситуация оказалась в Петербурге. Наши коллеги говорят о том, что людей просто собирали, везли в суд и чуть ли не сразу после решения, не дав им ничего обжаловать, везли на депортацию — это называется административное выдворение. Это статья 18.8 КоАП. В Ростове тоже довольно активно действовали правоохранительные органы. Но в основном, к моей радости, я должна сказать, что вначале стали действовать круто, в том числе в Москве, а потом как-то буквально в один день суды были переполнены, а потом вдруг пусто.

То есть мне кажется, что от федеральной власти не последовало указания жестко избавиться от всех мигрантов. И это очень радостно: знать, что идут проверки. Проверки идут везде, и это, наверное, правильно. Во всяком случае, это не травматично. Проверяют документы, проверяют право пребывания, спрашивают, где люди находились, находятся и так далее. Это совершенно нормально. Это действительно то, что способствует нашей защите.

А что касается массовых выдворений — они как-то внезапно прекратились в Москве. Нам звонила жена нашего очень давнего подопечного, которого, к сожалению, мы не можем легализовать. Он был какое-то время легализован, было решение Европейского суда о запрете его экстрадиции в Таджикистан. Таджикистан тоже не лучшая страна... И там тоже бывают фальсифицированные уголовные дела и всякие такие экстремистские группы, которых не существует. Придумывают все там не хуже, чем у нас. Вполне братская страна. В общем, Европейский суд запретил его экстрадицию, и первое время он получал временное убежище. Потом вдруг нам заявили, что ему не нужно никакого временного убежища, потому что теперь человек под защитой решения Европейского суда. То есть решение Европейского суда защищает от

экстрадиции. Но решение Европейского суда — это не легализация в стране, это не дает права работать и так далее. Вот, к сожалению, такое решение было принято. А потом мы с Европейским судом, как вы знаете, расстались, конвенции не соблюдаем, и это решение уже никакой роли не играет.

Тем не менее этот человек сидел дома, а его жена и дети, поскольку они 15 лет как на территории России и уже давно получили гражданство. Но ему понадобилось в эти дни идти в магазин. По дороге его схватили. Это маленький поселок под Москвой. И я всю информацию получала от его жены. При этом у него не забрали телефон, она с ним была на связи почти все время. Она рассказала с его слов, что там еще несколько человек, что их по очереди проверяют и отпускают — их всех отпустили.

Как решение принимали по поводу нашего подопечного? По-разному. Сначала говорили, что сейчас составим протокол, заплатит штраф и уйдет. Потом стали говорить, что его выдворят. Жена рыдала в трубку. А через некоторое время его отпустили. Без протокола.

— Были жалобы на поведение силовиков во время облав?

— Да, но это было, к сожалению, не только сейчас. И есть облавы, например, в той же Ростовской области. Они регулярные, и полиция ведет себя не лучшим образом. Но как они себя ведут, мы видели, когда они снимали кадры своих издевательств над людьми, которые были уже в их руках. И если мы Европейскую конвенцию не признаем, то все-таки декларация прав человека пока действует. Пятая статья запрещает дурное обращение. Человек уже в ваших руках, нет никаких причин так с ним обращаться. Тем более что вы в данном случае от него даже никакой информации не можете получить.

Иногда пытки оправдывают тем, что это обоснованно, что это способ получения правдивой информации. Это тоже не так. Правдивая информация таким образом не получается. А получают те показания, которые нужны и которые человек дает лишь для того, чтобы прекратить истязания. В данном случае это просто истязание. Так в пенитенциарной системе бывает истязание ради истязания.

К сожалению, мне кажется, что работы с правоохранительными органами проводится недостаточно, психологи работают с ними мало, и люди, которые склонны к насилию, могут себя там совершенно безопасно проявлять. Вот это очень опасно, когда в правоохранительных органах работают садисты. Это и для самих правоохранительных органов опасно. Они со своими товарищами могут так себя вести.

— То есть фиксируется жестокое отношение? Мы сейчас говорим даже не о тех, кто был задержан после теракта.

— Да, жестокое отношение к задержанным практикуется, к сожалению, достаточно часто. Нам очень часто приходится такими делами заниматься. И это относится не только к тем, кто находится под следствием. Но и к тем, кто находится в пенитенциарной системе, от кого уже ничего не нужно.

То есть это издевательства и истязания. Это даже нельзя назвать пытками, потому что пытки — по самой семантике — чтобы что-то выпытать. А тут ничего не выпытывают, тут просто садисты реализуют свои, так сказать, садистские качества.

— Можете коротко ответить на вопрос про оказание

медицинской помощи людям без гражданства и без документов? Как это работает?

— У нас теоретически экстренная помощь должна предоставляться всем. А настоящее, серьезное медицинское обслуживание только тем, кто живет постоянно на территории России. Поэтому подобные вопросы никак не относятся к большинству наших подопечных. Все исключительно платно.

— Как люди могут помочь «Гражданскому содействию»?

— У нас есть сайты, можно сделать перевод, можно принести деньги, сдать в бухгалтерию, получить соответствующий документ о том, что эти деньги просто так в карман не берем и на личной карточке не получаем. Но можно сделать платежи через сайт. Кстати говоря, такие возможности сокращаются: с площадок, на которых мы собирали деньги, нас выгоняют, потому что мы «иностранные агенты». Банки не хотят неприятностей. Но пока все-таки мы можем принимать поступления и очень благодарны за них, потому что, конечно, нам очень это нужно.

Когда началась эта спецоперация, мы собрали 30 миллионов. И это говорит о том, что люди хотели быть на стороне добра хотя бы таким способом. И деньги, конечно, очень быстро разошлись, потому что когда стали привозить сюда с территории военных действий украинцев, им обещали по 10 000 на человека. Но это была такая долгая процедура, что многие остались без денег на длительный срок. Но мы по 10 000 выдавать не могли, по пять выдавали всем. Фактически выдали — благодаря людям, которые нам пожертвовали.

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Кровь, боль и грезы](#)

Как обустроились в России беженцы, покинувшие Украину два года назад

11:52, 23 февраля 2024, Надежда Андреева

[«Психиатр может понадобиться, но не нам»](#)

Светлана Ганнушкина* о жизни в России, буллинге и феминизме

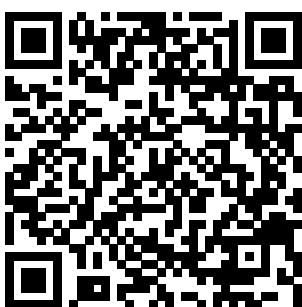
12:36, 11 мая 2023, Марья Урсова

[Выдворники](#)

Из Петербурга массово депортируют мигрантов, времени оспорить скорые решения судов им не дают. У всего этого есть название: операция «Нелегал»

15:37, 30 марта 2024, Нина Петлянова

[Ненависть – это удобно](#)

Как желание справедливого возмездия «по закону» в отношении террористов, которое есть у всех нормальных людей, сочетается с вопросами миграции

14:24, 5 апреля 2024, Антон Орехъ

[«Это покушение на конституционный строй»](#)

Светлана Ганнушкина* — том, как в свете мобилизационной кампании Россия распахнула объятия перед иностранными гражданами

11:04, 15 сентября 2023, Татьяна Васильчук